

Физиология:

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕДЬНИКОВА

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТЕОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ <i>Н.И. Гайнуллина, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы</i>	147
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАБУ В ЛИНГВИСТИКЕ <i>Д.Т. Губашева, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы</i>	154
К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОЦЕНОЧНОЙ НОМИНАЦИИ <i>А.Р. Даирова, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, г. Алматы</i>	161
«ЯЗЫК-РЕЧЬ» В ИНТЕГРАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ <i>Л.К. Жаналина, КазНПУ им. Абая, г. Алматы</i>	168
«ПОНИМАЕТЕ? ПОНИМАЮ» В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ <i>Б.С. Жумагулова, КазНПУ им. Абая, г. Алматы</i>	176
АНТРОПОНИМЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В ТЮРКСКОМ ПИСЬМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПАМЯТНИКЕ ХОРЕЗМИ «МУХАББАТ-НАМЕ» <i>С.К. Иманбердиева, Институт языкознания им. А. Байтурсынова МОН РК, г. Алматы</i>	185
ҚАЗАҚ ЖӘНЕ ТҮРКІ ТІЛДЕРІ АРАСЫНДАҒЫ МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕР МАҒЫНАЛАСТЫҒЫ <i>К.А. Құлбекова, М.Х. Дулати атындағы Тараз Мемлекеттік Университеті, Тараз қ.</i>	187
МНОГОСЛОВНОСТЬ И ЧРЕЗМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАССИВНОГО ЗАЛОГА В ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ <i>А.А. Классен, ПГПИ, г. Павлодар</i>	190
ИЗУЧЕНИЕ МЕТАФОРЫ В РИТОРИКЕ <i>Э.Р. Когай, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы</i>	195
ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ СУФФИКСОВ (на примере глагольных суффиксов славянских языков) <i>О.Е. Коновальчук, ПГПИ, г. Павлодар</i>	202
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ И ИХ ТИПЫ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ <i>Б.Т. Кульбаев, ПГПИ, г. Павлодар</i>	209
К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ, ГРАММАТИЧЕСКИХ, ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ В ПРЯМОМ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. НУРМАХАНОВА «NUT TREE»/ «ЖАҢҒАҚ» <i>А.А. Лакова, ПГПИ, г. Павлодар</i>	215
О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (на материале номинализаций) <i>В.С. Ли, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы</i>	225
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПЕРЕВОДНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ <i>Г.Б. Мадиева, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы</i>	232
КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ В ЭКСПЛИЦИРУЕМЫХ ЭМОЦИЯХ <i>Г.С. Муллагаянова, ПГПИ, г. Павлодар</i>	237
ОСОБЕННОСТИ АНАФОРИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В КАЗАХСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ <i>З.К. Ахметжанова, А.С. Мустафина, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, г. Алматы</i>	242

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАБУ В ЛИНГВИСТИКЕ

Д.Т. Губашева

КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы

«Табу» не только этнографическое понятие, оно может распространяться и на факты языка, ведь издревле человек верил в то, что при помощи языка (речи) можно непосредственно воздействовать на окружающий мир, он верил в магическую функцию слова.

Основным предназначением табу на религиозной стадии формирования человеческого сознания становится запрет на употребление слов, выражений или собственных имен, обозначающих что-нибудь опасное или сакральное, объясняемое верой человека в магическую силу слова, в тождество слова и предмета, называемого этим словом. Считалось, что при произнесении запретного слова человек рискует вызвать на себя все губительные последствия, изначально заложенные в нем при активном вмешательстве сверхъестественных сил. Отсюда магическое преклонение и даже страх перед словом, стремление обращаться с ним так же осторожно, как и с самим предметом, который оно обозначает.

Исследованием лингвистических вопросов табу занимались Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, Д.К. Зеленин, М.М. Маковский, А.М. Кацев и др.

Лингвисты едины в том, что в основе запретов на ранней стадии формирования сознания лежал психологический фактор, где под воздействием различного рода эмоциональных интенсификаторов возникли ограничения на прямое словоупотребление того или иного объекта номинации. Отмечая магические свойства слова в сознании древних народов, исследователи отмечают, что слово отражало не только все элементы языческого ритуала, но и все категории языческой ментальности.

По мнению М.М. Маковского, первостепенное место в истории человеческой цивилизации, в становлении человека, человеческой культуры, языка, мышления, как ни парадоксально, принадлежит феномену табу. «Запрещая, ограничивая деятельность человека, табу имело обратное действие, оттачивая человеческий разум, вскрывая антимир, антитела, порождая антиметафоры: табу – это движение мысли, призыв к деятельности, создание перспективы... Табу – это еще и целая гамма формальных и мыслительных ритуалов, в большей мере способствовавшая созданию человеческого языка» [5, с.4].

Отмечая отсутствие религий в первобытном обществе, Д.К. Зеленин считал абсолютно бесспорным идею о том, что в жизни человеческого общества

была дорелигиозная стадия. В статье «Магическая функция слов и словесных произведений», ученый писал: «Собранные и изученные мною фактические материалы по вопросу о магической функции слов и словесных произведений, частью уже опубликованные в печати, вполне подтверждают положение яфетической теории о магической функции языка, которое не было пока с желательной полнотой развито и мотивировано нашими яфетидологами. Магическая функция слов и словесных произведений выявляется перед нами главным образом в тех словесных запретах – табу, которые сохранились до нашего времени у самых различных народов земного шара» [3, с.10].

Древнейшим слоем ученый считал запреты на имена промысловых животных, затем на орудия лова и на все связанное с поведением охотника перед промыслом. Запретные слова возникли на доанимистической стадии, их цель – скрыть от зверей намерения охотника. К психологическим предпосылкам создания словесных запретов у первобытного охотника относится его убеждение в том, что животные слышат и понимают человеческий язык, а также уверенность в тонком чутье животных к запахам; животному приписывают все человеческие чувства и относятся к нему как к человеку. Табуирование на данном этапе развития выступает как средство защиты человека, охраны его, обеспечения удачи в промысле. Следуя обычаю, хорошо известному у многих народов, охотники избегали называть своим именем зверей, которых они преследуют, что ставило их перед необходимостью изобретения иносказательных конструкций, способствуя, таким образом, развитию словотворческого процесса [3, с.10].

Табуированию подвергались наименования представителей флоры и фауны (зверей, птиц, насекомых, рыб, пресмыкающихся, земноводных) и некоторых связанных с ними слов. Опасение спугнуть объект охоты, рыболовства, навлечь на себя и свои пастбища нападение хищников, причинения вреда животными, насекомыми, птицами, земноводными определяет возникновение многочисленных запретов на прямое обозначение реалий объективного мира, диктуют необходимость изобретения новых, приемлемых для замены наименований животных, растений, насекомых, птиц и т.д., способствуя развитию эвфемистического словаря. Суеверия охотников, считающих опасным называть животных, на которых охотятся, их кровь и т.п., создают эвфемизмы, часть которых впоследствии может даже стать исключительными для них названиями.

Сходная тенденция к выделению запретов, связанных с наименованием особей животного мира, и отнесению их к категории наиболее ранних обнаруживается в исследованиях А.М. Кацева. По мнению ученого, «табу отражает тотемические представления первобытного человека, т.е. представления о животном как основоположнике рода (тогеме), наделенном сверхъестествен-

ной силой. Ход мысли первобытного человека прост: Тотем не хочет быть названным. Если его назовешь, навлечешь на себя беду, ибо слово обладает магической силой. Животное нападет на тебя или причинит какое-то иное зло. Поскольку тотемы исчислялись десятками, а то и сотнями, то, естественно, список наименований животных, подлежащих запрету, чрезвычайно велик» [4, с.12].

По мнению М.М. Маковского, первостепенное место в истории человеческой цивилизации, в становлении человека, человеческой культуры, языка, мышления, как ни парадоксально, принадлежит феномену табу. «Именно слово, — отмечает М.М. Маковский, — как барометр точно отражало нравы, обычаи, верования, способы мышления первобытных людей» [5, с.154].

Книга М.М. Маковского «Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность — формы — развитие» представляет собой первый опыт исследования явления табу не только в человеческой культуре, но и в языке: именно табу оказало неизгладимое влияние как на формальную структуру языка, так и на его семантику [5].

Строение корня в индоевропейских языках непосредственно связано с количественными и качественными запретами, налагаемыми табу: наличие, отсутствие и вариация преформантов, различие детерминативов в одном и том же корне, метатеза, анаграмма, тмезис, эллипсис — вот некоторые результаты действия табу на форму слова. В области значения в древнем слове преобладает синкретизм метафор.

Цель метафоризации — скрыть «божественные» первоначения («гнать — рвать»), связанные с основным мифом о создании Вселенной. В книге М.М. Маковского подробно освещаются различные возможности табуирующей метафоризации. Особое внимание в работе уделено табуирующему отрицанию в начале слова: учет табуирующего отрицания в корне меняет всю процедуру этимологизирования, поскольку после отбрасывания пустого отрицания мы имеем дело с совершенно иным корнем по сравнению с тем, который рассматривался без учета табуирующего отрицания. Книга открывает новые горизонты в установлении лексико-семантических универсалий, в методике этимологических исследований, в анализе эволюции индоевропейского корня.

М.М. Маковский считает, что «этимология слова, выявляя метафору, лежащую в основе его значения, служит одновременно и для выявления табу» [5, с.36]. Это положение он доказывает на таком примере.

В некоторых обозначениях табуируемых названий представителей животного и растительного мира обнаруживается тенденция древних народов к эвфемизации на основе поляризации значения, проявляемая в намеренном наделении запретного слова положительными качествами, присоединении к

основе прямого обозначения уменьшительно-ласкательных суффиксов, почтительном обращении к объекту номинации, внушающему суеверный страх. Данная особенность речевого поведения объясняется стремлением древнего человека задобрить стоящие за словом-табу таинственные силы, привлечь их на свою сторону и обусловлена спецификой архаичного мышления – тождество мыслимого образа предмета с самим предметом, материализованное восприятие слова, вера в его магические возможности. Иллюстрацией эфемистической замены на основе поляризации значения табуируемого слова могут служить *крыска* (вместо *крыса*), *панночка* (вместо *мышь*) у белорусов. В немецком языке вместо *ласка* использовалось обозначение *Schones Dingel*.

Д.К. Зеленин писал о причинах и механизмах лексического табуирования, в частности, приводил большую цитату из полного английского издания «Золотой ветви» Дж. Фрезера (отсутствующую в сокращенном издании, с которого сделан русский перевод [8]), где идет речь о том, что основой табу слов является желание обмануть духов или не быть ими замеченным.

Первобытный человек «воображает, что его слышат и понимают духи и животные или другие существа, которых воображение первобытного человека наделяет человеческим умом. Вот почему он избегает известных слов и употребляет вместо них другие – или желая прельстить (*soothe*) и умиловить указанных существ хорошими словами о них, или боясь возбудить их гнев в случае, если они поймут его слова. Первобытный человек заменяет обычные слова или комплиментами, или загадочными выражениями – применительно к обстоятельствам: он произносит комплименты, чтобы его поняли и оценили; выражается загадками, чтоб его не поняли» [3, с.5].

Для исследованного им культурного круга Д.К. Зеленин не принимал концепции Дж. Фрезера, выдвигая иные обоснования лексических табу, в частности идею злого глаза и накликания.

Словесные табу были разного происхождения. Д.К. Зеленин считал, что первые словесные запреты возникли из простой осторожности первобытных охотников: они думали, что чуткие звери, понимающие человеческий язык, могут их подслушать и поэтому избежать капканов или стрел [3, с.119]. С древнейшими представлениями о том, что животные понимают речь человека, Д.К. Зеленин связывал также переговоры с животными в быту, которые позже переросли в заклинания.

Источником табу могла быть и неконвенциональная (безусловная) трактовка знака архаическим сознанием: древний человек относился к слову не как к условной, внешней метке предмета, а как к его неотъемлемой части. [7, с.63]. Чтобы не разгневать «хозяина тайги», избежать болезни или другой беды, не потревожить души умершего, запрещалось произносить их имена.

Так возникала магия слова, колдовство, в котором слово — орудие, инструмент. Табуированные слова заменялись эвфемизмами, но и они вскоре табуировались и заменялись новыми эвфемизмами — это приводило к быстрому обновлению словаря в древности [7, с.144-151].

Лексические запреты, как и принудительные нововведения слов, существовали не только в древности. Удерживая черты магического («инструментального») отношения к слову, табу в современном обществе осложняется некоторыми другими целями — такими, как сохранение традиционных культурных норм (соображения «такта», «приличий», психологической уместности), а также идеологический контроль, манипулирование массовым сознанием и т.п.

По мнению Н.Б. Мечковской, хотя реальные последствия табу весьма значимы для языка, все же табу трудно отнести к проявлениям сознательной активности общества по отношению к языку, поскольку цели табу лежат вне языка, язык здесь только средство. О сознательном воздействии общества на язык можно говорить в том случае, когда цели усилий людей направлены на сам язык [7, с.65].

У целого ряда народов были распространены специальные табуистические языки, применявшиеся во время охоты, рыбной ловли и связанные с представлением о том, что животные понимают обычный человеческий язык. Известные примеры таких языков у русских основаны на замене обычных номинаций различных существенных в данной ситуации денотатов номинациями заместительными при сохранении неизменным прочего лексикона и грамматической структуры языка. Но точно на таком принципе основана значительная часть восточнославянских (и не только) загадок, которые можно, таким образом, представить как своего рода высказывания на табуистических языках [9].

Приведем несколько примеров табуистических заместительных номинаций из числа собранных Д.К. Зелениным. «Подставным словом» для лисы у русских могло служить *хвостуха* (псковск.) или *кумушка*; для зайца — *кривень* (псковск.), *куень*, *куен* (тюркское заимствование), *косой*, *ушкан*, *куцый*, *овсяник* (олонецк.), *трусик* (донск.); у украинцев — *выцарапень* и *сп'юх* (подкарп.), у белорусов — *выцарапень* и *выторопень*.

Медведя звали *хозяин* (олонецк., Колыма, Забайкалье), *старик* и *дедушко* (оба Колыма), *вуйко* (гупульск.); медведицу — *матуха*, *матика* (олонецк.), *самуха* (вологдское; ср. наименования медведя *он*, *сам*); *пест*, *кобель*, *бык* (восточносиб.), *пороз*; а медвежонок — *кошленок*, *цыпленок* (Колыма). Наконец, широко распространены были табуистические наименования медведя именами собственными: *Мишка*, *Михайло Иванович*, *Герасим Потапович*; медведица — *Матрена*, *Аксинья*.

Особенно интересно цитируемое Д.К. Зелениным [3, с.113] свидетельство С. Крашенинникова, который зафиксировал в 1740 г. остатки специального охотничьего языка у русских охотников на соболя по рекам Витиму и Лене. Их артель делилась на две половины, и выборный начальник каждой должен был смотреть, «чтобы по обычаю предков своих ворона, змею и кошку прямыми именами не называли, а называли б *верховым*, *худою* и *запеченкою*. Промышленные сказывают, что в прежние годы на промыслах гораздо больше вещей странными именами называли, например: церковь – *востроверхою*, бабу – *шелухою* или *белоголовкою*, девку – *простыгою*, коня – *долгохвостым*, корову – *рыкушею*, овцу – *тонконогою*, свинью – *низкоглядою*, петуха – *голоногим* и прочая...».

Наконец, в языке рыболовов с. Пингишенского Холмогорского уезда Архангельской губ. избушка называлась *теплуха* (*теплушка*), сорока – *векша*, медведь – *миша* *стукалка*, ворона – *курица*, озеро – *лужа*, невод – *румага*, заяц – *лесной барашек* [3, с.114].

В.П. Аникин считал, что «„странные имена“, о которых писал С. Крашенинников, – это и есть те самые остатки древней тайной речи, с которой непосредственно была связана в древности народная загадка» [1, с.21]. В пользу существования такой связи Аникин привел ряд восточнославянских, финно-угорских и тюркских примеров совпадения слов из табуистических языков и заместительных номинаций.

В частности, по В.П. Аникину, «словесные запреты в свое время накладывались на названия тех птиц, которые, во-первых, имели промысловое значение: утка, гусь, тетерев, глухарь и пр.; во-вторых, на названия птиц, которые приносили вред в полевом, огородном и домашнем хозяйстве: воробей, коршун, ястреб; в-третьих, на названия птиц, которые согласно верованиям связывались с нечистой, доброй или злой силой: ворон, филин, сова, ласточка, сорока и пр.» [1, с.24].

Не совсем ясно, откуда у автора столь подробные сведения о том, названия каких птиц табуировались в древности (ссылка В.П. Аникин не дает), да и далеко не все из них были в действительности частым предметом загадок, но важно даже не это. Интересно, что в список В.П. Аникина попали именно те птицы, образы которых в традиционной картине мира наиболее символически нагружены (достаточно сравнить оглавление книги А.В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции» [2] в части, касающейся птиц), что само по себе симптоматично.

А. Юдин выявляет принципы образования заместительных номинаций в табуистических языках:

а) семантическая деривация по доминирующему, «прототипическому» атрибуту или функции (*хвостуха, ушкан, востроверхая, белоголовка, теплуха* и др.);

б) замена лексемой, семантика которой содержит хотя бы одну существенную сему, совпадающую с набором табуированного слова (*кобель, бык* [‘самец животного’]; *цыпленок* [‘детеныш’, а также инверсия ‘маленький’ / ‘большой’]; *курица* [‘самка птицы’]; *лужа* [‘водоем’] и т.д.);

в) так называемая «умиловительная» замена (*матуха, вуйко*) из соображения установления «родственных» отношений с предметом номинации; из тех же соображений *матухой* в заговорах могла называться персонифицированная лихорадка [9, с.257].

Существуют и случаи «формального» табуирования, когда слово заменяется созвучным хотя бы на уровне начального консонантизма (*мишка, Матрена*) либо имеющим сходные ассоциации (*Топтыгин, Потапович*, ср. *топтать, стопа*), а то и вовсе произвольным (*Аксинья*) именем собственным.

Не всякое активное отношение людей к своему языку в действительности представляет собой воздействие именно на язык. Например, табу в архаических социумах – это воздействие не на язык, а попытка воздействия на явления действительности, стоящие за языком (воздействие на зверя, болезнь, опасность, божество).

Список использованной литературы

1. Аникин В.П. Табу и его следы в языке русского фольклора // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004. – С.3-23.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции – М., 1997. – 180 с.
3. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. – М., 1979. – 114 с.
4. Кацев А.М. Магическая функция слов и словесных произведений. – М., 1982. – 121 с.
5. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. – М.: Азбуковник, 2000. – 268 с.
6. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207с.
7. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352с.
8. Фрезер Д.Д. Разновидности табу // Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. – М., 1983. – С.188-250.
9. Юдин А.В. Ономастикон восточнославянских загадок. – М., 2007. – 120 с.